

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Проф. Н. И. Новосадский

Уже в древнейших словесных памятниках Греции, в гомеровских поэмах, мы видим культ слова и культ красоты человеческого тела. Песня называется там «божественной», «божественными» называются и певцы, ее создатели и исполнители. Безмолвно внимают песням и звукам кифары гомеровские герои и так глубоко переживают эти песни, что иногда не могут удержаться от слез (Od., VIII, 83 сл.). В гомеровских поэмах нередко упоминается о борьбе, о кулачном бое, о состязаниях в беге и прыжках, о метании копья и диска—о тех видах состязаний, которые в более позднее время вошли в состав олимпийских игр. Но это были состязания не только силы, а изящных, красивых движений. В Илиаде (XXIII, 759) поэт обращает внимание на изящные движения Одиссея во время состязаний в беге. Эней, сын Панопея, грозный кулачный боец, характеризуется не только как великан, но и как красивый человек (II, XXIII, 684 сл.). О герое Навболиде поэт говорит в таких выражениях, как говорят о красивой женщине (Od., VIII, 116 сл.). А описание щита Ахилла, на котором художник Гефест изобразил и землю, и небо, и море, и не знающее устали солнце, и полную луну, и деятельную жизнь двух городов,—это описание свидетельствует о стремлении греков гомеровского периода вносить красоту и в свое оружие.

О любви древних греков к красоте в еще более раннее время говорят найденные при раскопках Шлимана в Микенах мечи с удивительной инкрустацией и описание дворца Алкиноя в Одиссее, которое может быть иллюстрировано археологическими памятниками. Чтобы создать все это, необходимо соответствующее специальное обучение. В гомеровских поэмах мы встречаем упоминания о мастерах, работавших по металлу, о зодчих, о певцах, песни которых веселили людей и украшали их собрания. Относительно певцов можно с полным правом сказать, что их знания передавались от поколения к поколению: поэт говорит о *φύλαι ἀοιδῶν*, о «поколении» певцов (Od., VIII, 481 и др.). Так же, вероятно, передавались от отцов детям знания мастеров по металлу, ювелиров и зодчих. Никакой школы, как государственного учреждения, в те времена еще не было.

Относительно того, когда появились в Греции общественные школы, точных сведений от древности не сохранилось. Древнейшие афинские законы, касавшиеся воспитания детей, приписывались Солону. На них ссылается оратор Эсхин в речи против Тимарха. В приводимом Эсхином отрывке из законов Солона указывается, в какое время учителя должны были открывать школу и закрывать ее; и запрещается, под страхом смерт-

ной казни, впускать в школу во время занятий кого-либо из взрослых, кроме родственников учителя¹.

Из ссылки Эсхина на Солоновы законы можно заключить, что школы существовали в Афинах уже в конце VI в. до н. э., но эти школы не содержались на средства государства. Афинское государство в древнейшее время не брало на себя обязательства ни организации школ, ни вознаграждения учителей. Школы в Аттике устраивались частными лицами, которые получали за обучение детей условленную плату от их родителей. Только в более позднее время, не раньше III в. до н. э., встречаются указания о вознаграждении учителей из государственных средств. При таких условиях понятно, почему афинские школы часто получали названия по имени их учредителей. Так, в Афинах славился гимнасий Академа (Plut., Sim., с. 13). Сохранились упоминания о палестре Таврея, находившейся вблизи храма Зевса Олимпийского, о палестрах Сибиртия, Гиппократы, Тимогена и др.² В позднее время был построен гимнасий в честь Птолемея II, а в 129 г. до н. э.—гимнасий Диогена.

Кроме Афин в Аттике были школы во многих демах, быть может, в большинстве их, так как посылать детей учиться в Афины или другие демы были неудобно.

Необходимо заметить, что характер и цели обучения в Афинах значительно отличались от обучения в Спарте. На устройстве школы, естественно, отражаются государственный строй и социальные отношения граждан. Спарта была военным государством по преимуществу, вследствие чего военное дело было поставлено там на первом плане. Все дети спартанских граждан отнимались от семьи в семилетнем возрасте и жили в своих кружках, находясь в одинаковых условиях. Все дети одного возраста вместе учились, вместе обедали и вместе приготавливались к военному делу.

В афинской школе также не упускались из виду государственные интересы—подготовка хороших граждан и храбрых защитников отечества, но в Афинах дети все время оставались в родной семье, а в школу приходили только для занятий. Несомненно, были свои особенности в организации школ и в других государствах-городах древней Греции—в Беотии, Фокиде, Мегариде, на острове Делосе и др.; но сведения, сохранившиеся от древности об этих школах, так незначительны, что судить об их организации и характере обучения невозможно.

По школьному вопросу у древних греков была обширная литература. Писали о школе Архин, Теофраст, Аристипп и др. К сожалению, эти труды до нас не дошли, но все-таки о воспитании и обучении в древней Греции сохранилось достаточно материала в сочинениях Платона, Аристотеля, Галена, Плутарха, в эпиграфических памятниках и в произведениях вазовой живописи. На основании этого материала, конечно, нельзя восстановить ход исторического развития художественного воспитания в древней Греции, но общие его черты могут быть определены с достаточной ясностью. Остановимся сперва на школе афинян.

В состав школьного преподавания в Афинах входило обучение грамоте, гимнастике, музыке, танцам и рисованию. Обучение детей начиналось с гимнастики. Главными видами гимнастических упражнений были борьба, метание копья и диска и состязание в беге и прыжках. Это были те элементы, которые входили в состав олимпийских игр. Прежде всего учитель обучал детей стройно и красиво бегать. Затем переходили к состязанию в прыжках. Дальше шли другие виды гимнастических упражнений. Каждый из них имел свои особые цели. Бег укрепляет мускулы ног, ме-

¹ Aeschin., с. Timarch., 12.

² Plat., Charm., 153 B; Plut., Alcib., с. 3; P s.-Plut., X orat. vitae, 837 E.

тание диска содействует развитию мускулов рук и плеч, метание копья в цель, укрепляя руки, в то же время развивает зрение и т. д. Все эти виды состязаний мы можем представить вполне ясно, так как сохранились изображения их на древних вазах и в созданиях древней пластики. До настоящего времени дошло также несколько гирь, употреблявшихся во время прыжков, и дисков¹.

Древние скульпторы особенно любили изображать метателей диска, так как при этом виде состязаний тело получает особенно изящные изгибы (см., например, «Дискобол» Мирона).

Обучение всем этим состязаниям велось по определенной системе и с соблюдением строгих требований не только от учащихся, но и от учителей. Гален говорит, что учитель гимнастики должен обладать теоретическим знанием своего дела и сведениями по физиологии, а его помощники могут только наблюдать за исполнением физических упражнений. Гален сравнивает учителя гимнастики с опытным врачом, который соответственно индивидуальным особенностям каждого человека предписывает и особую диету, а помощник его—это повар, который prepares кушанье, не зная его полезных и вредных свойств (Galen., De sanit., II, 9). Ту же мысль высказывает и Аристотель, который говорит, что педотриб только направляет соответственным образом занятия гимнастикой, между тем как учитель гимнастики приводит в надлежащее состояние весь организм (Arist., Polit., VIII, 3, p. 1338 b).

Платон отводит гимнастике видное место в своем идеальном государстве. «Как и музыка,—говорит Платон,—она будет влиять на сердце юноши. Она укрепит в нем мужество и твердость духа». Но в то же время Платон предостерегает от излишнего увлечения гимнастикой, как он предлагает и музыку подвергать строжайшей цензуре. Молодые люди должны заниматься ею не как атлеты, которые ставят своей целью развивать только тело. В гимнастике необходимо искать средства к нравственному усовершенствованию (Plat., RP, III, 410 B). На моральное влияние гимнастики указывает и Гиппократ. Отсутствие физических упражнений, говорит он, ведет к развитию трусости и апатии, а тяжелые труды—к развитию храбрости (Hippocr., De aëre, I, 565, Kühn).

Обучая гимнастике, греки заботились не только о том, чтобы создать сильное и выносливое тело, но и о том, чтобы придать ему красоту и гармоничность линий, прелесть форм. Красотой формы не пренебрегали даже спартанцы. Поэт Тиртей в одном из своих стихотворений, которое стало как бы национальным гимном спартанцев, прославляя смерть юноши на поле битвы, рисует его в таких чертах, которые ясно и ярко говорят о физической красоте: «Пока он жив, приятно поглядеть на него мужчинам, у женщин загорается к нему любовь, прекрасен он и мертвый, павший в первых рядах» (Tyrtaeus, fr. 10, 1, 28 сл.).

У афинян был сильно развит культ красоты. Идеалом афинского гражданина была *καλοκαγαθία*, т. е. нравственная красота, соединенная с красотой физической. Перикл в надгробной речи, произнесенной им в память афинян, павших в первый год Пелопоннесской войны, между прочим, говорит: «В кратких чертах я скажу, что все наше государство—это школа Эллады и каждый гражданин у нас может быть способен к самым разнообразным видам деятельности, обладая изящным и ловким телом» (Thucyd., II, 41).

Яркую картину чувства красоты, развивавшегося и витавшего в афинской школе, дает Платон в диалоге «Хармид». Там Сократ предлагает

¹ Н. Roehl, Imagines inscript. graec. antiquiss.. Berol., 1907, p. 70, № 6. В Берлинском музее хранится бронзовый диск, найденный на острове Эгине (Antiquar. d. Berl. Museum, № 1273).

своему собеседнику Критию вопрос: кто из молодых людей (речь идет об учившихся в палестре Таврея) особенно отличается умом и красотой, или тем и другим вместе. Критий прежде всего останавливается на красоте и выше всех по красоте ставит Хармида, сына Главкона. Как раз в это время входит в палестру Хармид, и вся палестра приходит в волнение при виде его красоты. «Я не удивлялся взрослым мужчинам,— говорит Сократ,— но даже самые маленькие мальчики смотрели на него, как на статую» (Plat., Charm., 153 D сл.).

Чувство красоты, преклонение перед изящными формами тела, развитого гимнастикой, замечается и в других областях древней Греции. Интересен рассказ Геродота о победителе на олимпийских играх, кротонце Филиппе, который считался красивейшим из современников. Почитая его красоту, жители Сегесты воздвигли на его могиле небольшой храм (ἱερὸν) и приносили ему жертвы (Herod., V, 47). Чувство красоты и ее сила ярко выступают на множестве расписных античных ваз с надписью «ὁ παῖς καλός».

В палестрах и гимназиях, где велись физические упражнения, почерпали материал для своих созданий художники и скульпторы¹. Известный знаток древнегреческого искусства А. Фуртвенглер смотрел на гимнастику греков как на базу греческого искусства. Культ красивого тела—тот культ, которым так сильно проникнуто греческое искусство,—стоит в тесной связи с заботой о красоте тела, которое развивалось и достигало доступного ему совершенства в палестрах. Многие изображения на вазах и многие статуи представляют различные виды и различные моменты гимнастических состязаний, начиная от изображения бега детей и кончая статуями атлетов, обладавших чудовищной силой и шедших уже не на состязания, а на смертный бой.

По дошедшим до нас памятникам искусства можно проследить постепенное изменение и развитие у древних греков идеала красоты человеческого тела. Древнейшие вазы представляют сильных, мускулистых атлетов. В позднейшее время, в V—IV вв. до н. э., линии тела смягчаются, постепенно выступает идеал гармонических пропорций и плавных, изящных изгибов тела. То же происходит и в области пластики. Ясно, что не только в технике художественных произведений, но и во вкусах масс представление о красоте изменяется и влияет на типы в живописи и пластике. Эти общие массовые изменения вкуса проникли, несомненно, и в школу, и от учащихся требовались изящные и мягкие движения.

Афиняне обращали внимание не только на развитие красоты тела, но и на развитие красивых движений, красивых манер (Plut., Virtut. doceri posse, с. 2). Детей приучали изящно надевать обувь и изящно накидывать на себя плащ. А накидывать плащ так, чтобы он красиво облекал тело, было нелегко, и это достигалось только продолжительными упражнениями и развитием вкуса. Образованного эллина с первого взгляда узнавали по тому, как у него надет плащ (Plat., Theaet., 175F; Athen. I, 38 p. 21 B). Учащиеся в палестре ежегодно подвергались испытаниям во время праздника в честь Гермеса, так как Гермес считался покровителем школ. Платон в диалоге «Лисид» описывает один из моментов этого праздника, уже после состязаний и после принесения жертв, когда нарядно одетые дети свободно забавлялись игрой в бабки (Plat., Lys., 206 D сл.).

Во время великих Панафиней, национального афинского праздника, дети, так же как и юноши и зрелые мужчины, принимали участие в гимнастических состязаниях. Это было подражание олимпийским играм:

¹ Ch. Waldstein, The influence of athletic games upon greek art. Friday, 1883; J. Günther, Philostratos, Über Gymnastik. Leipz.—Berl., 1909; E. Gardiner, Greek athletic sports. Lond., 1910, стр. 86.

тут происходили бег, и борьба, и все другие виды состязаний¹. В этих состязаниях, вероятно, принимали участие только наиболее подготовленные и наиболее красивые борцы. Такого же рода состязания, но в более скромной обстановке, происходили в Афинах и на празднике в честь Тезея². В этих состязаниях обращали внимание не только на физическую силу и ловкость, но также и на красоту тела.

Аристотель указывает две группы учащихся соответственно их возрасту: от 7 до 14 лет и от 14 до 21 (Arist., Polit., VII, 15 (II), 1336b). Дети младшего возраста обучались в палестрах, старшего—в гимнасиях. Начиная с 18 лет, молодые люди вступали в особого рода организации, которые назывались эфебиями, и оставались в них до 21 года. Относительно времени, когда был установлен институт эфебии, нет указаний в древних источниках. Термин *ἔφηβος* не встречается ни у Фукидида, ни у Ксенофонта, не можно полагать, что основы эфебии существовали уже до Фукидида. Перикл, ободряя афинян во время Пелопоннесской войны и указывая на их силы, говорит, что в Аттике есть тринадцать тысяч оплитов, кроме того, войско, которое находилось в крепостях. А в состав этих оплитов входили *πρεσβύτατοι*, *νεώτατοι* и *μέτοικοι* (Thucyd., II, 13). *Πρεσβύτατοι*—это люди, пережившие сроки обязательной военной службы, а *νεώτατοι*—те, которые по своему возрасту еще не были обязаны служить на действительной военной службе, но призывались в моменты крайней опасности. Это были, следовательно, юноши моложе 20 лет, т. е. те, которые в позднейшее время входили в состав эфебов. Таким образом, здесь можно видеть ту группу молодых афинян, которые, начиная с IV в. до н. э., официально назывались эфебами.

Занятия эфебов уже на первом году обучения получали практический характер. Эфебы должны были с оружием в руках охранять свою страну, наблюдать за ее безопасностью, служа, главным образом, на границах Аттики. Но при этом не оставляли и художественного обучения. Эфебы продолжали заниматься музыкой и изучали родную литературу. Для развития эстетического вкуса их заставляли составлять стихи и гимны, а также прозаические сочинения; за лучшие работы назначались награды. Обязанности эфебов можно проследить по сохранившимся до настоящего времени надписям³.

Достигнув 20-летнего возраста, афинские юноши выходили из среды эфебов, но не оставляли занятий гимнастикой. Во время праздника Панафиней происходили в Афинах состязания в борьбе и других гимнастических упражнениях наиболее сильных и красивых граждан. Эти состязания происходили по филам, и одержавшая победу фила получала в награду быка⁴. Так вся жизнь афинянина была проникнута заботой о том, чтобы тело было не только сильным, но и красивым.

В Спарте гимнастические упражнения носили несколько иной характер, чем в Афинах. Спартанскую гимнастику можно назвать гимнастикой военной (Arist., Polit., VII, 2, 5 p. 1324 b). Среди гимнастических упражнений особенное внимание обращалось на те виды, которые наиболее пригодны во время войны,—бег и метание копья, а прыжки и метание диска отступают на задний план. Борьба ведется не только в одиночку, но и целыми рядами, целыми колоннами, которые наступают друг на друга.

¹ IG, II, 965, I, 26 и др.

² IG, II, 444, 446 и др.

³ Об эфебии см. A. Dumont, Essai sur l'éphébie attique. Paris, 1875—76; P. Foucart, Decrets en l'honneur des éphèbes de l'année 333 (BCH, XIII, 1889); P. Graindor, Etudes sur l'éphébie attique sous l'empire (Musée Belge, 1922, стр. 165 сл.).

⁴ IG, II, 965, I, 75 и др. Ср. Arist., Athen. Pol., 60; Athen., XIII, 565 F.

Особенностью спартанского воспитания является то, что гимнастике обучались в Спарте и девочки. В комедии Аристофана «Лисистрата» есть маленькая сценка: афинянка Лисистрата любит красочней спартанки Лампито: пришедшей в Афины на собрание женщин спартанки Лампито:

«Привет тебе, дражайшая лакедемонянка Лампито,—говорит Лисистрата:—Какая ты красавица, моя сладость! Какой чудный у тебя цвет лица! Какое могучее тело! Ты, пожалуй, и быка задушишь».—«Да, я думаю, клянусь богами. Ведь я занимаюсь гимнастикой», отвечает Лампито. И дальше она знакомит афинянок с одним из обычных гимнастических упражнений спартанских девушек (Aristoph., *Lysistr.*, 78 сл. Ср. Plut., *Lycurg.*, с. 14).

Из одного места в «Андромахе» Еврипида можно заключить, что в Спарте девушки упражнялись в гимнастике вместе с юношами. Так, Пелей, выступающий противником спартанцев, обращается к спартанскому царю Менелая с упреком, что обучение девочек и мальчиков происходит в Лакедемонне совместно (Eurip., *Androm.*, 595 сл.). Что касается гимнастики в других областях Греции, то по этому вопросу сохранились от древности только отрывочные сведения. Так, сохранилось указание, что беотийцы придавали особенное значение гимнастике (Athen., XII, 504 В), а на острове Хиосе девушки, так же как в Спарте, состязались в борьбе с юношами (Athen., XII, 566 Е).

В некоторых местах Греции происходили конкурсы красоты женщин. Афиной приводит рассказ историка Никия о том, что коринфский тиран Кипсел, основав в Аркадии на берегу Алфея город (Василиду?), соорудил там жертвенник в честь элевсинской Деметры и постановил совершать во время праздника в честь этой богини конкурсы красоты женщин. Первой победительницей на этом состязании оказалась его жена Геродика. Афиной говорит, что такие состязания происходили там еще в его время, т. е. во II в. н. э. (Athen., XIII, 609 Е).

В Элиде происходили, по свидетельству Теофраста (у Афиней), конкурсы красоты мужчин (Athen., *ibid.*).

В некоторых государствах Греции увлечение гимнастикой доходило до крайностей, гимнастика переходила в атлетику. Аристотель высказывается об этих крайностях с неодобрением. «Среди греческих государств,—говорит он,—те, которые в настоящее время, как кажется, больше всего заботятся о воспитании детей, вводят атлетику, калеча фигуру детей и препятствуя развитию их тела» (Arist., *Polit.*, VIII, 3, 3, p. 1338 b). А Исократ в «Панегирике» резко выражает свое удивление тому увлечению атлетикой, какое господствовало в его время. «Если атлеты вдвое увеличат свои силы, то это не принесет другим никакой пользы, между тем как мудрость одного человека может быть полезной всем желающим у него поучиться», говорит Исократ (Isocrat., *Paneg.*, с. 1). Эти слова Исократа были направлены против крайностей гимнастики, переходившей в атлетику. С течением времени эти крайности ослабевают. Так в различные моменты исторической жизни Эллады боролись там различные направления и различные взгляды на гимнастику, но идеал красоты, достигаемый гимнастическими упражнениями, никогда не угасал совершенно у древних греков.

Кроме гимнастики в греческой школе обучали музыке. Умение владеть музыкальными инструментами было известно грекам уже в глубокой древности. Начало его теряется во мраке мифических сказаний. Народные предания Эллады сохранили много имен мифических музыкантов-певцов. Среди них особенно славился Орфей. Славны были в мифах древних греков своей игрой также музыканты-певцы: Амфион, Лин, Мусей и др. (Plut., *De mus.*, с. 3). В «Илиаде» сохранился миф о фракийском игроке

на лире и певце Тамириде, которого музы ослепили, отняв дар песни и умение владеть лирой, потому что он в безумном увлечении своей игрой похвастался, что даже их он победит в состязании (II., II, 594 сл.). На щите Ахилла, описанном в XVIII рапсодии Илиады, представлен был, между прочим, мальчик, поющий песнь о Лине под звуки кифары (II., XVIII, 569 сл.).

Уже в VII в. до н. э. в Греции были музыкальные школы, и у древних авторов встречаются указания относительно различных нововведений в музыке этого времени. Среди таких школ особенной известностью пользовались школы Терпандра и Клона в Спарте. Терпандр прибавил к четырехструнной лире еще три струны. Это дало возможность извлекать из лиры более разнообразные звуки и создавать новые сочетания тонов. Клон был известен своими реформами в области авлетики, т. е. игры на флейте. Все лирические поэты и все творцы греческого мелоса должны были в большей или меньшей степени владеть инструментами, под звуки которых исполнялись их песни. Должны были знать музыку и драматурги, так как хоровые партии их трагедий сопровождалась игрой на флейте. Относительно Софокла сохранилось предание, что он учился музыке у знаменитого музыканта Лампра и, будучи мальчиком, с лирой в руках запевал победный пэан во время торжеств после Саламинской битвы¹.

Музыка, как и песня, была украшением греческих праздников и постоянной спутницей их пиров. На пиру лира передавалась из рук в руки участникам беседы, которые исполняли под ее звуки застольные песни. Этот обычай был сильным побудительным мотивом для обучения музыке. Детей обучали музыке также и для того, чтобы они могли принимать участие в торжественных процессиях во время праздников. Упоминания о музыкальных состязаниях детей и взрослых граждан во время праздников встречаются нередко в эпиграфических памятниках. Кроме того следует упомянуть еще о странствующих хорах, которые, переходя из города в город, нанимались для исполнения гимнов во время совершения религиозных обрядов. Все эти условия вызывали в Греции широкое распространение музыки и необходимость изучать ее в школах.

Музыка получила в древней Греции и теоретическую разработку. Одним из наиболее выдающихся древних теоретиков музыки был Аристоксен (III в. до н. э.), сочинение которого «Введение в гармонию» дошло только в отрывках². Из более поздних сочинений о музыке можно указать «Введение в гармонию» Клеонима и трактат Плутарха «О музыке»³. Вопросы о значении музыки касались и некоторые философы—Пифагор, Платон и Аристотель.

О Пифагоре Плутарх говорит: «Пифагор, отвергая значение музыки, основанной на восприятии чувством, утверждал, что ее качества должны быть воспринимаемы умом. Поэтому он судил о музыке не по слуху, а на основании математической гармонии и находил достаточным ограничить изучение музыки только одной октавой» (Plut., De mus., с. 39).

Эта абстрактная теория не получила в Греции распространения, и влияния ее не замечается в позднейших трактатах древних греков о музыке. Проще и ближе к жизни подошел Платон. В «Политии» он говорит, что главное значение музыки заключается в том, что ритм и гармония с величайшей силой проникают вглубь нашей души и могучим образом влияют на ее красоту. Неся с собой красоту, они делают человека краси-

¹ Vitarum scriptores graeci minores. Ed. A. Westermann. Brunsv., 1845, стр. 127.

² Die harmonischen Fragmente des Aristoxenos. Hrsg. von P. Marquardt. Berl., 1868; R. Westphal, Aristoxenos von Tarent. Metrik und Rhythmik. Leipz., 1883.

³ Плутарх, О музыке. Перев. Н. Томасов. Петроград, 1922.

вым, но только при условии, если пользоваться музыкой правильно, в противном случае действие ее будет обратным» (P l a t., RP, III, 12, p. 401 DE).

Аристотель, поставив вопрос, является ли целью музыки удовольствие, или моральное развитие, или развитие интеллекта, решает, что музыка удовлетворяет всем этим целям. Особенно сильно Аристотель выдвигает ее моральное влияние. «Моральное влияние музыки особенно доказывают песни Олимпа», говорит Аристотель. По общему признанию, они наполняют нашу душу энтузиазмом, а энтузиазм—чувство морального характера в нашей психике» (A r i s t., Polit., VIII, 5, 3 p. 1340 a).

Мысль о том, что музыка влияет на развитие благородства в человеке, что она открывает перед нами широкие горизонты красоты, сохранялась у греков очень долго. Плутарх, автор I в. н. э., говорит: «Если кто поработал над усвоением воспитательного стиля музыки и был с надлежащей заботливостью обучаем с детского возраста, тот будет хвалить и одобрять прекрасное, порицая противоположное ему во всем вообще и в частности в музыке. Такой человек не запянает себя никаким неблагородным поступком, но, получив благодаря музыке величайшую пользу, он будет полезен и себе и родине, не допуская никакого нарушения гармонии ни делом, ни словом, но всегда и всюду соблюдая пристойность, благоразумие и порядок» (P l u t., De mus., с. 43).

Но, конечно, в своем историческом развитии музыка не всегда стояла на такой высоте, чтобы оказывать высокое моральное или эстетическое влияние. Появлялись в ее области неудачные нововведения и слабые произведения, которые нередко вызвали резкие насмешки и порицания со стороны греческих комиков. Так, Ферекрат представил в одной из своих комедий музыку в виде совершенно искалеченной женщины. Дика (олицетворение справедливости) спрашивает, кто ее так изувечил. Музыка жалуется на многих композиторов, а в особенности на милетца Тимофея. «Он всех превзошел, вводя чудовищные диссонансы, от которых ползут мурашки, непозволительные ноты чрезмерной высоты и какие-то сви-стульки. Модуляции его всю меня изъели,—говорит она,—точно гусеницы редьку». Другие комики, по словам Плутарха, «также отметили нелепые затеи более поздних композиторов, разменявших музыку на мелочи» (ibid., с. 30).

В древнейшее время в афинских школах обучали играть на флейте, на лире и на кифаре, но в конце V в. лира и кифара вытеснили флейту. Плутарх приписывает это влиянию Алкивиада и рассказывает по этому поводу следующий анекдот. Алкивиад, усердно исполняя все требования учителей, отказался учиться игре на флейте, ссылаясь на то, что во время игры на этом инструменте искажаются черты лица. Пример Алкивиада, по словам Плутарха, повлиял на других детей, и они также перестали учиться игре на флейте. После этого обучение игре на этом инструменте вывелось из школ (P l u t., Alcibiad., с. 2). Но, конечно, это зависело не от упрямства одного мальчика, Алкивиада, а от перемены вкусов афинского общества того времени. Аристотель объясняет устранение флейты из предметов школьного обучения тем, что она не содействует развитию интеллекта (A r i s t., Polit., VIII, 6, 8, p. 1341 b), но едва ли это было единственной причиной, повлиявшей на судьбу этого инструмента. Причины этого были более сложны, что было ясно и самому Аристотелю (A r i s t., Polit., VIII, 6, 5, p. 1341 a). Нельзя отрицать и того мотива, что при игре на духовых инструментах черты лица становятся некрасивыми. К этому мотиву были чувствительны и римляне, менее отзывчивые к чувству красоты, чем греки. Ювенал в одной из своих сатир шуточно говорит о горнистах: «Да это всем знакомые щеки» (I u v e n., Sat., III, 35 сл.).

Внешнюю сторону обучения музыке у древних греков мы можем представить себе очень ясно. На древних вазах сохранилось немало сцен обучения музыке. По вазовой живописи и скульптуре древних греков можно проследить также форму музыкальных инструментов.

Развитию музыки в сильной степени содействовали музыкальные конкурсы, которые устраивались в различных греческих городах. Но особенно почетное место отводилось музыкальным состязаниям в Дельфах. Для увековечения памяти победителей на этих состязаниях составлялись их списки и вырезывались на мраморных плитах. Фрагменты этих списков дошли до нашего времени¹.

Вероятно, под влиянием конкурсов в IV в. стали сильно увлекаться обучением музыке. Учеников начали обучать в школах таким тонкостям музыкального искусства, какие были доступны, по словам Аристотеля, только виртуозам на музыкальных состязаниях (Arist., Polit., VIII, 6, 4, p. 1341 a). Особенное значение придавали музыке в Аркадии. Там граждане должны были учиться музыке с раннего возраста и продолжать свое музыкальное образование до тридцати лет (Athen., XIV, 626 B).

Что касается Спарты, то и там музыка имела свое место, доказательством чему служат школы Терпандра и Клона, музыкальная деятельность Алкмана, Фалета и других музыкантов, но в Спарте она сохраняла строгий дорийский тип. О постановке школьного обучения музыке в Спарте подробностей у древних авторов не находим.

С музыкой тесно соединена была в Греции песня. Можно сказать, что песня была связана с самой жизнью древнего грека; она была постоянной его спутницей и в работе, и на войне, и на веселом пиру, и у гроба близких людей. В гомеровских поэмах мы читаем, как Цирцея поет за своей работой, как Демодок забавляет своей песнью феаков, как поют надгробную песнь над трупом убитого Гектора. Греческие народные песни были связаны с различными временами года, с играми, праздниками, с бытовыми обрядами. Песни древних греков были так разнообразны, что древние теоретики пения оставили нам около пятидесяти названий различных видов песни.

Так же как музыка, песня шла об руку с развитием лирики, драмы и эпоса. Все это говорит о широком распространении песни в древней Греции и о том, что начало ее технической обработки должно относиться к глубокой древности.

Пение не было в древней Греции общеобязательным предметом и преподавалось не во всех школах, в зависимости от свободного решения родителей ребенка и от его способностей к пению. Неспособных и не обладавших голосом, конечно, не обучали. Но в тех случаях, когда дети имели хороший голос, их обязательно обучали для участия в народных праздниках и торжествах. В аттических надписях упоминаются специальные учителя пения, которые занимались с эфебами. А спартанцы, покорив Мессению под предводительством Тиртея, постановили всякий раз после обеда, исполнив обычный пэан, петь по очереди песни Тиртея (Athen., XIV, 630 F). В Спарте обучали пению не только мальчиков, но и девочек. До настоящего времени сохранились довольно значительные отрывки парфения Алкмана—песни, составленной в Спарте для исполнения женским хором. И в других местах Греции иногда выступали женские хоры, о чем свидетельствуют парфении известной поэтессы Сапфо.

Если принять во внимание, что никакой труд, никакой пир и никакой праздник не обходился в древней Греции без пения, то без преувеличения

¹ F. Winter, Schulunterricht auf griech. Vasenbildern. «Jahrb. des Vereins von Altertumsfreunden im Rheinlande» («Bonner Jahrbücher», CXXIII, стр. 275 сл.).

можно сказать, что вся древняя Эллада, от края до края, была залита звуками песни—и той, которой учились в школах, и еще более той, которой не учились, простой, народной, свободной песни.

Памятники искусства, представляющие обучение пению, немногочисленны.

Перейдем к танцам. Танцы так же первобытны по своему происхождению и так же распространены у всех народов, как песня. О танцах мы находим упоминания не только в таком древнем памятнике, как гомеровские гимны. Археологические раскопки и находки ведут нас вглубь веков гораздо дальше гомеровских поэм. На золотых кольцах минойской эпохи, найденных в Вафио и Микенах, изображены танцы. На одном изображении мы видим женщин, танцующих даже на носках¹. На Крите, в Палеокастро, были найдены статуэтки из обожженной глины, представляющие танцующих женщин. У греков было много народных танцев, соединенных с культом различных богов и героев: гипорхемы, исполнявшиеся в честь Аполлона, танец «журавль» (*γέρωνος*) в честь Тезея, бурные и порывистые пляски в честь Корибантов и многие другие. Во время религиозной процессии на празднике элевсинских мистерий крестьяне, работавшие на полях, присоединялись к общему танцу и плясали в честь Иакха. Танцы древних греков были так разнообразны, что у древних авторов и лексикографов сохранилось около двухсот названий различных видов танца.

Танцы, подобно музыке и пению, опять приводят нас к лирике и драме. Многие лирические песни исполнялись в соединении с пляской, а трагедия без танцев не обходилась. Древнейшие драматурги были учителями танца и составляли различные фигуры танцев. Так, о Фринихе сохранилось предание, что он составлял пиррихий. Афиной приводит замечание, что Эсхил любил танцы и придумывал новые фигуры танцев для своих трагедий (*Athen.*, I, 29 DE). Софокл, как красивый и изящный танцор, выступал с пляской во время торжеств в честь победы при Саламине. Уже в VI—V вв. до н. э. были танцоры-специалисты, память о которых сохранялась в течение многих веков. Славился своими танцами современник Эсхила—Телест. Пользовались известностью как танцоры и многие поэты того же времени (*Athen.*, I, 22 A).

С течением времени любовь к танцам у древних греков не ослабевала, а, повидимому, даже усиливалась. Платон требует, чтобы в доме афинского гражданина был учитель танцев—особый для мальчиков и для девочек. Кто хотел усовершенствоваться в танцах, тот обращался к учителям-специалистам.

На вазах V—IV вв. до н. э. нередко находим изображения уроков танца. Мальчиков обучают учителя, девочек—учительницы. Педагогам обыкновенно придается строгий вид, а в руках их постоянным атрибутом является трость, символ воздействия на учащихся².

Танцы давали богатый материал для живописи и скульптуры. У древних авторов сохранилось много упоминаний о картинах и статуях выдающихся художников, изображавших танцы, например, Каллимах Коринфский вылил из бронзы статую танцующих спартанок. Эта статуя очень славилась в древности³ (*Plin.*, NH, XXXV).

В Афинах в древнейшее время танцы не входили в число предметов обязательного обучения в школе, но в Спарте танцы были обязательны. Все спартанские граждане должны были уметь исполнять свою национальную пляску—пирраху, которой обучали детей уже с пятилетнего возраста. Из Спарты пирраха распространилась в Аттику. Там было от-

¹ F. Weege, *Der Tanz in der Antike*. Halle, 1925, № 39, 40.

² *Ibid.*, № 179.

³ *Ibid.*, стр. 77 сл.

ведено ей место на панафинейских состязаниях. Лучшим исполнителям пиррахи выдавали награды. Изображения танцующих пиррахи встречаются на многих вазах, так что мы можем иметь об этом танце ясное представление. До настоящего времени сохранилось много надписей, в которых говорится о состязаниях танцоров на различных праздниках в Афинах.

Наградой служили денежные призы и вазы, наполненные маслом. Такие вазы сохранились в довольно значительном количестве до настоящего времени. Некоторые из них относятся к очень ранней эпохе, к VI и даже VII в. до н. э. Так, на одной афинской вазе, относящейся к VII в., читаем: «Кто из танцоров изящнее всех танцует, тот пусть возьмет ее» (т. е. эту вазу)¹. Интересно, что уже в такой глубокой древности выдвигается принцип красоты, проявляющейся в танце. И этот принцип красоты, изящества и грации оставался, несомненно, основным принципом танца у древних греков. Символом его является часто встречающееся изображение танцующих муз—покровительниц грации и красоты.

Рисование было введено в круг наук, преподававшихся в школе, едва ли раньше половины IV в. до н. э. Среди древних авторов о рисовании как предмете школьного обучения впервые упоминает Аристотель. Но и в его время обучали рисованию не во всех школах (Arist., Polit., II, 2, 3, p. 1337 b). Причиной этого, вероятно, было то, что хорошим рисовальщиком может быть не всякий, а только тот, кто обладает необходимым для этого дарованием от природы. Учиться рисовать, говорит Аристотель, нужно не для того, чтобы сделаться художником, а для того, чтобы иметь возможность понимать и ценить художественные произведения (ibid., VIII, 2, 6, p. 1338 a).

Относительно этического влияния живописи мнения у древних греков, повидимому, были различны и неустойчивы. Даже такой глубокий мыслитель, как Аристотель, высказывался по этому вопросу неспределенно. Этическое влияние живописи он признает лишь в самой незначительной степени, но все-таки советует молодежи смотреть картины не карикатуриста Павсона, а Полигнота или какого-нибудь иного живописца, который умеет выразить высокий характер изображаемого им лица (ibid., VIII, 5, 7, p. 1340 a).

Благодаря изображениям на древних вазах, мы можем как бы войти в самую мастерскую художника, обучающего своему искусству. Специальное обучение живописи было в Греции очень сложным и требовало иногда очень продолжительного времени,—например, ученики Памфила оставались в его школе по десяти лет. По свидетельству Плиния, благодаря влиянию Памфила стали обучать живописи детей сначала в Сикионе, а затем во всей Греции (Plin., NH, XXXV, 10, 77).

Греки любили украшать картинами свои общественные здания, и произведения выдающихся художников хранились у них целые столетия, как, например, картины Полигнота, которые Павсаний видел в Дельфах во II в. н. э. [Paus., IX, 4, I (2)]. Обучение специалистов-художников производилось, конечно, не в общих школах, а в специальных школах мастеров искусства. Постепенно любовь к прекрасному, выраженному в красках и линиях, сильно развилась в среде греческого народа. Явилось желание украшать рисунками предметы частного быта, о чем свидетельствуют многочисленные расписные вазы, хранящиеся ныне в различных музеях.

В древних греческих школах был еще один предмет, входящий в область художественного воспитания,—родная поэзия, родная литература, изу-

¹ H. R o e h l, Imagines inscriptionum graec. antiquiss., XXIV, № 1, Berol., 1907, стр. 69.

чение которой начиналось с обучения чтению и письму. О том, как обучали грамоте, рассказывает Платон в диалоге «Протагор» (P l a t., Protag., с. 15, р. 325 E сл.). Сначала учили разбирать буквы, затем читать по слогам. Дальше переходили к выразительному чтению и декламации. О том, что в некоторых греческих школах требовалось красивое, выразительное чтение, свидетельствуют публичные состязания учащихся в «чтении», о чем находим упоминания в надписях¹.

В «Тимее» Платон говорит о наградах на празднике Апатурий, которые давались детям, одержавшим победу по декламации различных поэтов (P l a t., Tim., с. 3, р. 21 B).

Обучение письму иногда получало характер обучения каллиграфии. О состязаниях в каллиграфии находится указание в одной теосской надписи (Athen. Mitt. В. XXXV, 436). В VI в. до н. э. искусство каллиграфии стояло в Аттике на большой высоте. Об этом можно судить по надписям того времени. Среди них встречается много таких, в которых тщательно вырезанные красивые буквы идут стройными рядами (*στοιχηδόν*) не только в горизонтальном, но и в вертикальном направлении. В этих надписях, несомненно, отразилась современная им манера письма и современные вкусы греков. Интересно отметить тот факт, что наиболее высокое состояние каллиграфии надписей совпадает со временем особенно повышенного эстетического чувства у афинян. V век до н. э. был веком высшего проявления в Аттике красоты в формах слова, пластики, живописи и архитектуры. Это был век величайших драматургов—Эсхила, Софокла и Еврипида, век Фидия и Полигnota.

Обучение родному слову было проникнуто у древних греков в сильной степени поэтическим элементом. Изучение словесного творчества начинали с поэтов, прежде всего—с Гомера. Затем переходили к другим поэтам, к лирикам и драматургам. Некоторых поэтов, например Феогнида, читали в извлечении, о чем свидетельствуют дошедшие до нас рукописи, содержащие только выдержки из его стихов.

Афиняне хорошо знали свою родную литературу, они знали своих эпических поэтов, своих лириков и драматургов. Это ясно видно из древней аттической комедии. Встречающиеся в ней литературные пародии и намеки на слабые места различных поэтов были бы непонятны не только зрителям, но и читателям, если бы им было неясно, что кроется под той или другой пародией. Заучивали поэтов не по рукописям, а со слов учителя, как видно из беседы Евтидема с Клинием в диалоге Платона «Евтидем».

Обучение ораторскому искусству началось только со времени появления в Афинах софистов Протагора и Горгия. Быстро развиваясь, оно достигло высшей красоты в речах Демосфена и в ритмической прозе Исократы.

В Спарте, Беотии, Фокиде и других областях древней Греции обучение родному слову стояло ниже, чем в Афинах. Эти области не дали Элладе ни своих ораторов, ни выдающихся стилистов в области исторической прозы.

Бросая общий взгляд на воспитание древних греков, мы должны признать, что оно в значительной степени было проникнуто стремлением к достижению красоты. И на эту цель ясно указал Аристотель. «В воспитании,—говорит он,—главную роль должно играть прекрасное» (A r i s t., Polit., VIII, 3, 5, р. 1318 b. Ср. P l a t., Protag., с. 15, р. 326 B). Но организация воспитания и его цели были неодинаковы во всех областях древней Греции. Выше других в стремлении к красоте и в ее достижении

¹ S y l l., 524, 1. 8.

стояли Афины—та область, с которой преимущественно соединяется у нас представление об Элладе, о той стране, где когда-то, в глубине веков, так ярко горела пытливая мысль и так отзывчив был человек к обаянию красоты.

Художественное воспитание достигло в древней Греции высокого развития, но оно было уделом немногих, привилегированного меньшинства. Только гражданам античных городов был открыт доступ к участию в публичных состязаниях и общественных играх, рабы и иноземцы были лишены этого права. Но фактически, конечно, художественное воспитание было по средствам лишь богатым гражданам. Оно было в значительной степени результатом ограниченности античного общества, покоящегося на рабстве, и культивировалось в ущерб и за счет развития производительного труда. Рабский труд давал крупным рабовладельцам огромные количества прибавочного продукта. «Широко развитой обычай собирать сокровища в собственном смысле слова свидетельствует о том, сколько прибавочного продукта лежало у них без употребления. Значительную часть прибавочного продукта они употребляли на непроизводительные затраты, на художественные произведения, на религиозные дела, на общественные работы. Еще менее их производство было направлено на развитие материальных производительных сил... Богатство, которое они создавали для частного потребления, было потому относительно невелико, и оно кажется большим только оттого, что оно было сосредоточено в руках немногих лиц, которые, впрочем, не знали, что с ним делать. Если поэтому у древних не было *перепроизводства*, то там было *чрезмерное потребление* богатых, которое в последние периоды истории Рима и Греции принимает характер безумного расточительства»¹.

Только в обществе, где уничтожена эксплуатация человека человеком, возможно свободное и гармоничное развитие всех трудящихся.

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. II, стр. 204.

